

Магистр Тени Нихиллим

Элизиум

Избранное

Магистр Тени Нихиллим

Элизиум. Избранное

«Издательские решения»

Нихиллим М.

Элизиум. Избранное / М. Нихиллим — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903296-6

Так ли важно настоящее имя? Так ли важен твой статус или твое место в обществе? Разве за это читатель ценит автора, оценивая его стихи и прозу? Посему и я прошу судить лишь сами стихи — ни что иное, как зеркало души поэта и писателя. И не нести обиды на того, кто хочет остаться инкогнито, используя лишь псевдоним. Здесь не найти повседневные стихи о жизненных безделицах, большинство стихов имеют иное предназначение — быть отражением восприятия этого Общества и Мира, душой и глазами автора.

ISBN 978-5-44-903296-6

© Нихиллим М.
© Издательские решения

Содержание

Весна	6
Герой	8
Письмо	10
Скорбь	11
Игры Пупенмейстера	13
Черные птицы	15
Оставив позади	17
Первый	18
Ход мыслей	19
Закат	20
Закон Владык	21
Перон	23
Осень	24
Бабочка	25
Христово отвлечение	26
Пламя любви	27
Асмодей	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Элизиум Избранное

Магистр Тени Нихиллим

© Магистр Тени Нихиллим, 2018

ISBN 978-5-4490-3296-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна

Распростерла длани-сучья обнимая бытия истоки,
Украшая перстнями цветений к весне-юности.
Лишь бездонные глазницы небес синеоки,
Наблюдают за силой воли, ниспослав трудности.

Бьют ветра, словно бич, с удалью хлесткой,
Разрывая лоскуты-листья нарядного савана, голюю.
Завывая мелодию грусти из оперы «Тоски»,
Резонируют в сердце струнами – душевной болью.

Поутихла непогода, уходя по небу ратной конницей,
Вереница туч тянулась, на войну, обозами,
Убегают вдаль скорее, будто черт вслед гонится,
Небо-девица уж выплакала по ним грозами.

Жемчуга, капель влаги, свои по развесила,
На зелени листвы, драгоценными бусами.
Стоит весна нарядная, ее сердцу весело,
Примеряя гардероб с изысканными вкусами.

Ароматом парфюма, тонко благоухает,

Подчеркнув статность красоты времени года,
Ведь она одна, все-же, такой бывает,
Неподражаемая во всем, как и мать Природа.

Герой

Закованный в сталь, всем казалось он стоек.
Поскольку, всегда, выступал впереди.
Он в досталь познал, что войны привкус горек
И руки его, уж по локти в крови.
Изведал что есмь, лишения и голод,
Потрепанный стяг развивал на ветру,
Когда до костей пробирал лютый холод —
Он просто молился, чтоб выжить к утру.
Когда неприятель рубил, словно дьявол,
С оскалившей пасти вонзая клинки,
Он прятал забралом, что страх его плавал,
В крови и сковал позвонки.
И крепкие латы скрыв оцепенение,
Под тяжестью статной своей,
Спасали от смерти, а может везение,
Над роком довлело сильней
Он вновь выживал и готовился к бою,
Он жив, но другие лежат...
Напрасно его нарекают – героем,
Познавшего весь Мирской ад.

Письмо

Прости меня за то, что не умею лгать
И не могу нарушить данных обещаний.
Я обещал тебе, все так как есть писать
И это вечный повод для терзаний.

Надеюсь, ты прочтешь, слова мои в письме,
Присядь прошу, они мое прощание.
Как жаль, что не могу вместить я на листе
Всех чувств к тебе и муки расставания.

Еще чуть-чуть, и вновь мы вступим в бой,
Возможно, станет он, увы, моим последним.
Враг перевес давно оставил за собой,
А я надеялся, что это только бредни.

Земля саднит свинцом, ужалившей осы
И огонь от пепелищ, как кровь из свежей раны,
Сочится пламенем, достигнув полосы
Границы двух фронтов и битвы неустанны.

Ох, слышала бы ты, сколь грозен Бог Войны,
И как он страшен, залпом мощным, в гневе,
Подмоге не успеть, мы знаем, что одни...
Ты помолись, за наши души Деве.

Моя любовь, с тобой, прибудет до конца
И я ни сдам и метра, коли бьется сердце.
Прости меня за все, отважного глупца,
Я собираюсь недругу задать немного перцу!

Я б все сейчас отдал, за краткий миг с тобой,
За сладость алых губ и теплоту объятий,
Прошу тебя – живи, ведь я тобой горжусь,
И пусть любовь хранит, сильнее всех заклятий!

Ну вот и все... звучит команда «СБОР»,
Я отправляюсь в бой, что в эпицентре фронта.
А я бы так хотел, вновь, в наш сосновый бор,
Где в первый раз, читал тебе Бальмонта.

Скорбь

Пробил час, дегтем в стать облакам грозовым нагрянул
Утопая в патоке лжи медовой, липкой и вязкой,
Растворился в настоящем с ним в небытие канул,
Без причины, без замысла и огласки.

И уже не стать во век прежними,
Не вернуть лицам легкомыслия мины.
Раскрывая горизонты для мышления безбрежные
В заблуждении своем достигая вершины.

Сколько падет их еще на поприще ратном?
Сколько слов было вслух не досказано?
Что стираются в пыль многократно,
Только быть до сих пор не доказана.

Стерта память побед пращуров и отцов,
Позабыты морали былой устои крепкие,
И душа моя плачет навзрыд, горче вдов,
Ибо скорбь сжала в лапы цепкие.

Тени, что пауком сползают ко мне неспешно,
Выжидают момента впрыснуть яда бессилия.
Отравляя разум черной мыслью грешной,
Одерживают победу свою без насилия.

Словно ставни, что на булатный замок заперты,
Обездвижены и стынут от озноба руки.
Больничная простыня – иллюзия парадной скатерти
И лишь голос в голове распускает слухи.

Шепчет, настойчиво, стремясь поколебать волю,
Обволакивает коконом сомнений и былых сожалений,
Съедает волокна разума прожорливой молью,
Не пускает взойти на путь свершений.

А погода – пьянь, расплескав стакан,
Оросила ливнем часть земной горницы.
Пир на небе горой – хорошо Богам,
Шум и гам вокруг, да раздолье вольницы.

Сам Иггдрасиль с небес пустил корни,
Разрывая плоть облаков грозовым мерцанием.
Всю помпезность вобрав в громогласном горне,
Вдруг утих для раздумий в молчании.

Поутихло резонансом встревоженных кругов на воде,
Возмущение чистой глади зеркальной,
На полотнах жизненных невзгод подвластных судьбе,
Замирает вновь в спокойствии, прячась в уголках дальних.

Игры Пупенмейстера

Положили, в итоге, на полку томиться,
Бросили пыли, да времени, на растерзание
И уже, никогда боле, не случиться
Оправдать бытием своим ожидания.

Тает солнечный зайчик былых надежд,
Вязнет в темной гуаши грозových красок,

В Мироздании, полном алчных невежд —
Кукол, преисполненных ликом человеческих масок.

Синтезируя схемы прогнивших систем,
Кукловод яростно водит за нити,
Чтобы в конце представлений совсем
Сделать куклу отрепьем забытым.

Пройденный путь всех гастрольных турне,
Давит на память немислимым грузом.
Лучше уж вспыхнуть, однажды, в огне
Чем быть подвергнутым дьявольским узам.

Нить замирает... а может быть я,
Все же отвергнут и брошен на полку,
Чтоб на закате, уходящего дня,
В душу мою смерть воткнула иголку?

Может быть пламя всего лишь мираж —
Сценка из более красочной пьесы?
Или меня, охватил вдруг кураж,
Мучая, словно коварные бесы.

Снова вдруг дрогнула тонкая нить,
Я забываю о мысленном вздоре...
Мне ни к чему это все, чтобы жить
И продолжаю играть свои роли.

Занавес пал – обретаю покой,
Кукла забылась в достатке на полке.
Даже Магистр, утомился игрой,
Спицей вязальной проткнув душу тонко.

Черные птицы

Черные птицы греха, кружатся над моей падкой стойкостью.
Терзая своими острыми когтями, тело брэнной воли.
Проникая в естество, ядом терпким с колкостью,
Провели аксиому, что не ты воин в поле.
Затянуло небеса серостью пустой безнадежности.
Всхлипывает клеткотом хищным, громогласного искушения.
Ставя над совестью, вновь, исполинские сложности.
На кривой тропе растеряв торбу терпения.
Птицы бросали на меня свои взгляды жадно,
Провоцируя свои гастролы примы, жертвы грешной.
Я сорвался в нелепом фальстарте, меня раздирали нещадно
Падал я с высот, в царство тьмы кромешной.
Распростерла объятья широкие, мать Праздности,
Смакуя души кусок, переполненный гордынею.

Бесновались стервятники, считая игры со мной, уж данностью.
Проведя за спиной не возврата – жирную линию.

Оставив позади

Я вновь тону, средь вражеских широт.
Озябших рук немеющие пальцы
Смотрели в небо, лицами сирот,
Сквозь толщу вод причинности скитальца.

Казалось мне – свобода так близка
И грудь саднила в предвкушении вдоха.
Незримая для всех, извечная тоска,
Съедала душу, празднуя жестоко.

Последний миг настал, вода нашла проток,
Собой заполнив емкие пустоты.
Покрыла безмятежностью, и значит я не смог,
Вновь выиграть у судьбы нешуточные лоты.

Узревший азимут – покину горизонт,
Стирая навсегда грань скованности плоти.
Оставив позади горячей скорби фронт,
Не ведая когда, меня вы отпоете.

Я обречен... и свет небесных звезд,
Такой пронзительный, колючий и холодный,
В безвременье, опять, открыл хрустальный мост
Мне возвестив, что ныне, я – свободный.

Первый

Раз-два, в пустой комнате гулко разнесся крик,
Сильно и звонко раздаваясь по барабанным перепонкам... затих.
В свое естество положив основу интровертной концепции,
меняет лик
Деструктивным расстройством, глубоко в душе ведя суровый
блицкриг.
Деменциальный синдром, словно скованный булатной цепью
демон, еще спит.
И лишь из стеклянных оконных глазниц зреет вид,
Что сметет метаморфозы матрицы и как динамит,
Разрушит прочные границы бетонных плит.
Забыт... гимн триумфальной свободы, в очередной раз – забыт.
Диссонансные колебания в груди, щекочат нервы, разрывая мой
индивид
В клочья, как следствие того, что мой допельгангер раскрыт.
Я сыт, по горло ложью, вперемешку с холодным настом обид.
Задыхаясь от негатива лиц мегаполиса, что порядком прогнил
и смердит.
Сублимируя денежный поток и распущенность в алчность
и похоть, что царит
Вопреки здравому смыслу... и до сих пор никому не претит.

Ход мыслей

Преодолея усталость, изменчивость размеренных деяний,
Спокойствие или яростный порыв,
Что будоражит степень изысканий,
А может плач, апатии навзрыд,
Вновь гнезда вьет венком минувшей славы,
С небес упав, на гладь бетонных плит.
Сладки, как мед, или с горечью отравы?
Сакрально тайные, или вновь, как перст открыт?
Легки ли и свежи, что ветер вольный,
Аль тяжелы, немислимо, всей ношею грехов?
Не скованы судьбой краугольной,
Или же скованы темницей без оков?
Безумный Мир игры противоречий,
Или Идеальный Мир закономерности и схем,
Определил, ход мыслей человеческий,
Неисчислимым множеством из тем.

Закат

Сплетая локоны в причудливый узор,
Градаций облаков чарующего неба,
Светила диск смущенно прячет взор,
Словно Адам, впервые встретив Еву.
Шумят ветра дыханием своим,
Играют не спеша с небесной каравеллой
И гонят ее вдаль к местам совсем иным,
Что мореход описанный новеллой.
Уходит день, как дивный мотылек.
Каемка крыл оплавлена, последними лучами.
Стекло часов, его, утратило песок,
Сменяя дни хлопот, блаженными ночами.
А ночь тиха и так дремотен час
И темные шелка ложатся ей на плечи.
Сморил Морфей, свинцом, вдруг веки наших глаз
И сладкий сон, задул реалий свечи.

Закон Владык

Не просто вожаку снискать покорства стай,
Когда с оскалом рыщут претенденты.
В предсмертном хрипе пропадает лай,
Того, слабей чьи были аргументы.
Вожак стоит и гордо поднят взор,
Хоть после битв подкашивает лапы.
Дать слабину – для лидера позор,
Он не обмолвится про все свои утраты.
Ведь человек – есть самый лютей зверь,
Когда снедаем властью и богатством.
И он безжалостней любого, уж поверь,
Коль на кону стоят престол и царства.
Но он хитер, коварен и силен,
За ним примкнут и те, кто грезит о добыче,
Вожак на ветер не бросает слов,
Клыки, вонзая в горло славной дичи.
Когда-нибудь, но только не сейчас,
Достигнув возраста и точки не возврата,
Потупив взор, столкнется с силой глаз
Таких же яростных, что и его когда-то.
И осознав в душе, что пробил этот час,
Он будет горд, почить в последнем бое.
Ох, нелегко он жизнь свою отдаст
И стая разразится диким воем...
Ну а пока – нахрапист и суров,

Его войска опять штурмуют стены
И не поможет замку его ров,
В их жизни вскоре грянут перемены.
И звон мечей, что кляцанье зубов,
Нещадно рвут, впиваясь глубже в тело.
Но этой ночью ждет их теплый кров
И будут сыты снова, раз сумели.
Таков закон звериный у Владык,
И слабакам, тут не найдется места,
Господствуй и владей – коль ты велик,
Жестоко подавляя все протесты.

Перон

Безвольный страж гостеприимства, что никогда не одинок
Взирает молчаливо вновь, на суетность стремлений.
На судьбы тех, кто буквами меж строк,
Спешит в угоду чьих-то направлений.
Пусть бьют ветра, метели и дожди
Иль зной палящего и жаркого светила,
Меня, прошу, ты снова подожди
И я вернусь, покуда хватит силы.
Ты помнишь груз воззваний и потерь,
Весь трепет встреч и боль былых прощаний.
Пюпитром жизни, выступаешь и теперь,
Что связывает нитью судьбоносных расстояний.
Всего лишь шаг в чарующем везде,
Всего мгновение, для взвешенных решений.
Так мимолетно в спешной суете,
Хитросплетение человеческих суждений.
Их унесет водоворот перипетий,
Смотря сквозь призму множества из окон.
Вояж достигнет апогея эйфорий,
Локомотивом, что подобен беглым строкам.

Осень

Хоронила осень, то, что август бросил
Травами сухими и листвой, вместо весел
Гребла ветром дуновением, во искупление
Грехов, омывая слезой дождя, небесного проведения.

Отбрасывая с лунным светом сомнение,
Вкрадывалась в лоно земной тверди.
Приносила прошлому – упокоение,
От мук суровых, вездесущей смерти.

Открывая дорогу новому семени,
Прятала его в почву от дурного взгляда,
Дабы, когда пробьет нужный час времени,
Возродиться смог – зелению сада.

Бабочка

Я словно мотылек в крошечной тьме ночи,
Ступаю к пламени, презревший грань последствий.
Сквозь паутину лжи, где скрылись палачи,
Порой барахтаюсь и думаю о бегстве.
А свет так манит, где-то там, вдали...
И я борюсь за жизнь, мечтая о свободе,
Ведь дух ее, живет в моей крови
По зову сердца или же природе.
Я продолжаю биться за свою мечту
И чувствую нутром, как рвутся сети.
Иной же видит в этом суету,
Мне душу вбив булавкой, словно дети.
Но я свободен и опять лечу
И каждый взмах крыла – вселяет счастье.
На встречу к пламени и яркому лучу,
К моей мечте или безумной страсти.
Пархают крылья и все ярче свет,
Такой желанный и чарующе-прекрасный...
Теперь я чувствую, что я нашел ответ
И моя жизнь, уж не была напрасной.

Христово отвращение

Мироточат иконы, глядя на Мир дьяволом меченный.
Христос, как голландский сыр, ранами насквозь изувеченный,
Размышляя плачет, просит за нас у Бога прощение,
А у самого на душе, кошкой скребет отвращение.
Слова вылетают из уст, разлетаясь горохом об стену.
От толпы лишенной всех чувств, поработанных навеки системой.
Для чего погибал, чтоб снимали теперь по мне мюзикл?
На Мальдивах, режиссер отдыхал, от спиртного наращивал
пузико?
Чтоб стремился мужчина теперь, напоказ стать убогою девушкой,
А девицы лишь алчно глядят и любить хотят только за денежку?
Ради этого жизнь я отдал, ради этой свободы я горбился?
Чтоб в грехе каждый отпрыск людской бестии адскою уподобился?
Как обрыгло мне, лицезреть их порочное дикое поприще!
Без раскаяния рай вам подать? А не много ли просите? Вот еще!
Пользуетесь моей добротой, для себя в ней увидели слабости,
Человеколюбие мое служит нынче лишь умножению гадости!
Как же тошно мне, на душе уж муторно бесконечно,
На каждое учтивое слово, без стыда плюют встречно.
Похоть сменила любовь, изгрызла червями распада,
А мне продолжать молиться за вас? Уж больно то оно надо.

Пламя любви

Он сидел у костра, темным вечером с пристальным взглядом
В нежной пляске огня для себя отыскал волшебство.
И казалось, что ангелы божие пели гимн хором,
Проникая, сквозь сердце в само естество.
И подкинув костру, приготовленных веток,
С умилением почувствовав в теле тепло,
Молодея в годах, прекратив отмирание клеток,
Ведь в душе, наконец, становилось светло.
Вторя, огонь вспылал с небесами на равных
И сжигал все сомнения и страхи дотла.
Так бывает, когда обретаешь, тех главных,
С кем судьба своей нитью искусно свела.
И тогда, пиромант в нем безумный открылся,
Ведь сгореть не боялся, желая всем сердцем сиять.
Потому что, в нее, как никто он влюбился,
И то пламя любви, невозможно унять!

Асмодей

Старательно рисуя начертания древних знаков,
Рунические веды, ставя в центре пентаграмм
Ключ Соломона, выпускавший детей мрака,
Творил безумец, оскверняя Божий храм.
Он хохотал и жаждал новой силы,
Смирить и подчинить Гоэтии существ.
Гордыня ослепила разума мотивы,
Рисуя образы величия и честв.
И заклиная именем Господнем,
Он смел воззвать чудовищных князей.
И вспыхнул круг, тем адским огнем,
Пред ликом смертного явился Асмодей.
И молвил смертный, не скрывая ликования
– «О, Асмодей, князь ада, подчинись!
Ведь я велик, добившийся познания,
Мне послужи и воли устрашись.
Исполни все, что попрошу и пожелаю,
Не смей юлить, да и перечить мне не смей!
Не то тебя я строго покараю,
Ты не забудешь этого, до и скончания дней»!
С улыбкой, краше коей он не знал,
Милейшим ликом юного создания
Великий демон человеку отвечал
– “ Призвавший, что ж, я выполню желание.
За твою мудрость, мне исполнить договор?
Скажи, что жаждешь ты и от чего стенания?
Что с вожделением хочет лицезреть твой взор
Или разгадку тайн, что требует познания?
А может власть, над толпами людей?
Богатств несметных блеск, подобный чарам
Ну, что же хочешь ты, поведай мне скорей

Не веришь, что исполню это даром»?
– “ Не затуманят разум твои речи, хитрый князь!
Прибрать к рукам задумал мою душу,
Чтобы потом над ней глумиться всласть»!
– «О, смертный, ты и правда, веришь чуши»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.